

Перелистывая посты, я и сам начал столько всего надумывать, что даже посмеялся над собой, сравнив себя с Линь Дайюй.

На те несколько новых комментариев под постом я так и не ответил — не знал, что написать.

Выключив компьютер, я спустился вниз на пробежку. Бессонница всё никак не проходила, но таблетки я больше не пил. Пробовал мелатонин, выпил несколько баночек, но толку от него не было, вот и бросил. А вот физические нагрузки немного помогали.

Я старался вымотаться до предела, чтобы по возвращении домой сразу завалиться спать. Два года службы в армии привили мне немало полезных привычек, благодаря которым я худобно научился жить по-человечески.

Как-то раз на новогоднем вечере в части я выпил лишнего и рассказал своему командиру отделения обо всём, что творил в старших классах. В том числе и о деле моего отца.

Всё это долго лежало камнем у меня на душе. Я не ждал от него утешений, просто хотелось кому-то выговориться. Но я и подумать не мог, что после моего рассказа он поведает мне историю, которая окажет на меня огромное влияние.

Он рассказал, что в их семье было двое сыновей — он и его младший брат.

Однажды брат признался родителям, что он гей, и его избранником оказался парень из соседского дома. Обе семьи знали их с самого детства, и никто даже представить не мог, что всё так обернётся. Конечно, родители были против, но парни оказались упрямыми: раз семьи не дают согласия, они сбежали вместе. Соседский парень тоже был военным, его отправили миротворцем в Африку, где он погиб при исполнении задания, а тело так и не нашли. Брат моего командира учился на врача, он вызвался добровольцем в медицинскую миссию в Африке и остался работать в тамошнем госпитале. Как бы родители его ни уговаривали, он так и не вернулся домой.

Командир сказал, что понимает: брат уже связал свою жизнь с тем местом навсегда — он просто не мог допустить, чтобы его любимый человек остался там в одиночестве.

Однажды брат прислал ему письмо по электронной почте. Писал, что жизнь у него насыщенная и всё хорошо, просил родителей не беспокоиться. Лишь в одной строчке обмолвился, что сейчас сидит в африканской саванне, обдуваемый ветром, и чувствует невероятный покой, будто его любимый человек всё ещё здесь, рядом.

В тот момент у меня впервые появилось смутное представление о том, что такое любовь. Ни между моими родителями, ни между моим отцом и тем мужчиной любви не было. И только тогда я осознал: кажется, когда-то кто-то всё-таки любил и меня.

Эту историю я тогда тоже написал в своём посте. Я плакал, пока набирал те строки.

Перед сном я снова начал гонять в голове всякие мысли, и к одиннадцати часам так и не уснул.

Только я перевернулся на другой бок, как вдруг услышал звук открывающейся двери. А потом — как жена переобувается в прихожей.

Слишком рано она вернулась. Я сначала опешил, но тут же подумал: наверное, в спешке забыла что-то дома, вот и приехала забрать.

Однако вскоре из ванной послышался шум воды — кто-то принимал душ.

В спальне свет был выключен, так что она не знала, что я не сплю. Даже когда она закончила мыться и на цыпочках забралась в постель, я всё ещё был в прострации.

Сначала хотел спросить, почему так рано, но побоялся, что она испугается, если я вдруг подам голос, поэтому промолчал.

Она улеглась и притихла. Вскоре над моим лицом стало ощущаться дыхание — должно быть, она приподнялась на локтях и смотрела на меня. От этой мысли я уже не мог продолжать притворяться спящим. Я собирался было потянуться, якобы просыпаясь, чтобы спросить, почему она вернулась, как вдруг услышал её тихий шёпот:

— Мы что, расстаёмся?

Я не знал, поняла ли она, что я не сплю, но мне оставалось только продолжать притворяться.

В этом году исполнилось восемь лет, как мы вместе. И я знал, что, возможно, нам действительно суждено расстаться.

<http://bllate.org/book/26321/3151668>